

В СУББОТУ ПОСЛЕ ОБЕДА

РАССКАЗ

ФИЛИС АЛЬТМАН

САМЫМ лучшим днем недели девятнадцатилетний Джаппи Грейлинг считал субботу. В этот день он всегда приходил домой к обеду, быстро проглатывал все, что приготовила мать, и, буркнув: «Извините» в сторону матери и сестры, исчезал в ванной. Здесь он сбрасывал рабочую одежду, умывался, чистил зубы и полоскал горло. Затем, тихо насвистывая, Джаппи отправлялся в спальню и вынимал из шкафа чистую сорочку. Сегодня он выбрал ярко-красную в черную полоску, надел темно-зеленые брюки, такие узкие, что в них трудно было двигаться, лиловые носки и коричневые туфли.

Когда он причесывался, в спальню вошла мать.

— Ты опять собрался в кино? — спросила она с упреком.

— Ты ведь знаешь, ма: в субботу после обеда я всегда хожу в кино.

— В кино, в кино... В жаркий день, в темноте, смотреть грешные картины с голыми женщинами...

Он ничего не ответил, повернулся к зеркалу и еще раз оглядел себя. Вспомнился темный и душный зал; на экране мелькает кадр за кадром чужая любовная история, а рядом какая-нибудь девушка с податливым телом и красивой маленькой грудью...

— Если бы твой отец был жив... Он так хотел воспитать тебя порядочным и богобоязненным человеком!

— Господи, что же плохого в кино, ма?

— За что меня бог наказал? — всхлипывает мать.

Джаппи поворачивается: обычная субботняя сцена — мать стоит, прислонившись головой к дверному косяку, и тихо плачет. Он подходит к ней, кладет руку на плечо:

— Не плачь, ма, это ведь не грех — ходить в кино. Все мои друзья там бывают.

Имя современной южноафриканской писательницы Филис Альтман уже известно советскому читателю. Ее повесть «Закон стервятников» вышла в издательстве «Молодая гвардия». Главная тема Альтман — страстное разоблачение расистских порядков в ЮАР. Небольшой рассказ «В субботу после обеда», который мы публикуем, правдиво раскрывает атмосферу вопиющего расового неравенства, безнаказанного разгрома белых «суперменов», которая царит не только в Южно-Африканской Республике, но и во многих других странах так называемого «свободного мира».

— А мать ты забыл? Бросаешь меня одну... Гендрина пошла к Летти. Если бы отец не умер, все бы шло иначе, а теперь я одна, и моих детей это не волнует.

— Ма, — говорит он с раздражением, — это нас волнует, но что мы можем сделать? Ты никуда не желаешь ходить. Почему бы тебе не отправиться к Ома?

— Не могу же я бывать там ежедневно!

— А почему Гендрина уходит? Посидела бы с тобой.

— Гендрина должна гулять. Ей двадцать пять уже, а она не замужем. Как же она будет встречаться с кавалерами, если я велю ей сидеть дома? Пусть никто не говорит, что я ей мешаю.

— О'кей. Но я тоже не старик, и все мои друзья гуляют...

— Хорошо, иди. Оставь меня одну — я к этому привыкла. — Мать вытирает глаза. — Иди в свое кино.

— Ма, — утешает он нехотя, — завтра утром я пойду с тобой в церковь.

Взгляд матери светлеет, она обнимает сына. «Мой мальчик, — шепчет она, — ты ведь хороший...»

Это повторяется каждую неделю: мать плачет, он обещает пойти с ней в церковь. Проклятая история! Опять столько времени потеряно!.. Джаппи целует мать, выбегает из дому и мчит к остановке, чтобы успеть на ближайший трамвай в Йоганнесбург. Найдя свободное место в вагоне, он сразу забывает о разговоре с матерью и о своем обещании.

Джаппи и его приятель Дэниэл Бошоф твердо решили не встречаться дважды с одной и той же девушкой и поэтому всегда очень внимательно

разглядывали публику, толпившуюся у касс кино, придирчиво изучали голубоглазых девушек в ярких летних платьях. Когда выбор был наконец сделан, они применяли прием, действовавший всегда безотказно.

— Извините, мисс,— говорил Джаппи или Дэниэл,— мы опоздали, и, наверно, на всех уже не хватит мест. Вы ведь берете билеты? Не купите ли и нам? — Девушки выполняли их просьбу.

Четыре места рядом, и все очень просто. Гаснет свет, потные ладони встречаются в темноте, затем лежащая на бедре рука медленно поднимается вверх, к груди. Под рукой колотится девичье сердце...

Джаппи почувствовал прилив гордости. Он порядочный человек, он ходит с матерью в церковь, заботится о ней. Но ведь он мужчина, у него есть какие-то мужские права, он имеет право встречаться с девушками и не обязан сидеть дома у материнской юбки, как ребенок.

...Дэниэл уже терял терпение, когда Джаппи выпрыгнул из трамвая в условленном месте. Дэниэл, как и Джаппи, светловолосый, такой же высокий и широкогрудый. На нем рубашка нежно-розового цвета, светло-синие брюки, зеленые носки и черные туфли. Локоны падают на лоб.

— Дружище, ты опоздал,— сказал Дэниэл,— уже пускают в кино.

Джаппи взглянул вдоль улицы и убедился, что Дэниэл прав. Как всегда по субботам во второй половине дня, в Иоганнесбурге было мало людей, и даже центр казался пустынным. Двери магазинов были закрыты, жалюзи опущены, только черные вахтеры стояли у входа.

— Я очень сожалею,— сказал Джаппи,— у меня опять был неприятный разговор с матерью.

Они быстро зашагали вперед.

Мимо них прошла пара, крепко держась за руки. Девушка высокая и грациозная, с темными волосами в локонах, но с ее спутником было что-то неладное: шея и руки коричневые...

— Боже мой,— рванулся Джаппи,— ты заметил?

— Конечно,— в ярости ответил Дэниэл.— Белая девушка с каким-то ничтожеством... Так открыто, на улице, здесь в Иоганнесбурге, рука об руку...

— Идем! — Дэниэл сделал Джаппи знак, они обогнали подозрительную парочку, дошли до конца квартала и остановились, поджидая. Не оставалось никаких сомнений: девушка была белая, а мужчина — один из этих грязных цветных. Бешенство охватило Дэниэла, когда он увидел, что черномазый положил свою лапу на белую руку девушки, точно так, как он сам это делает. И Джаппи заскрежетал зубами. Они пошли по самой середине тротуара и заставили пару остановиться.

— Извините,— сказал мужчина.

— Я тебя сейчас извиню, ублюдок,— ответил Джаппи и, быстро подняв руку, изо всех сил ударил мужчину по лицу. Удар пришелся в скулу и в нос. Хлынула кровь. Мужчина опустил голову, стараясь закрыться от ударов. Девушка пронзительно закричала:

— Перестаньте, прекратите! Почему вы его бьете?

— Мы знаем почему,— сказал Дэниэл и, схватив мужчину за воротник, нанес ему страшный удар в подбородок. Голова мужчины ударилась о стену дома. — Мы его отучим гулять с белыми девушками!

Между тем вокруг собралась небольшая толпа — вагоновожатые, кондукторы, несколько белых юношей и белая дама. Поодаль молча стояло несколько черных. Дэниэл держал мужчину за руки, а Джаппи

бил его по лицу. С каждым ударом он все больше распался. Кровь кипела в нем.

— Правильно! Лупи его, лупи! — завопил какой-то белый и захлопал в ладоши.

Девушка отчаянно кричала:

— Прекратите, я тоже цветная! Перестаньте, проклятые свиньи, я тоже цветная, говорю вам!

— Надо позвать полицию, надо позвать,— заметил кто-то из толпы, обращаясь к соседу (черные напряженно прислушались), но тот промолчал.

Вдруг что-то темное ударило в угол глаза Джаппи. Сумка девушки!

— Я цветная, цветная, перестаньте.

Джаппи устало остановился. Когда Дэниэл отпустил мужчину, тот упал на тротуар. Опустившись на колени, девушка подняла его голову и стала вытирать кровь с лица. Глаза мужчины были закрыты, лицо опухло, нос сломан, губы разбиты.

Толпа начала редеть. Кто-то из белых твердил: «Действительно надо позвать полицию». Трамвайчики только рассмеялись в ответ и ушли. Осталась небольшая группа черных и тот самый белый, который раньше аплодировал. Он глупо озирался по сторонам. Джаппи посмотрел на девушку, согнувшуюся над избитым, на свои окровавленные руки и рубашку. Он чувствовал прямо-таки отвращение к себе. Какого он сваял дурака: спутать служанку с белой девушкой! Идиоты они с Дэниэлом! Ведь издали видно, что она цветная: толстые губы, широкие бедра, бедное яркое платье. Он теперь с удовольствием отлупил бы и ее за оскорбительные слова, которые она ему наговорила.

Девушка вдруг вскочила, схватила Джаппи за руку и закричала:

— Ты за это получишь, мы подадим в суд, тебя посадят!

Джаппи вырвал руку: «Ишь ты, цветной сброд, совсем обнаглели».

Дэниэл кивнул головой: «Пошли». Они пытались уйти, но девушка вцепилась в Джаппи: «Нет, ты никуда не уйдешь, тебя надо арестовать!» Он повернулся, сильно толкнул ее в грудь, так что она ударилась о стену, и пошел прочь. Дэниэл уже скрылся за углом, когда Джаппи его догнал. Оба бросились бежать. Через два квартала в общественной прачечной они постарались смыть кровавые пятна с рук и привести в порядок помятые рубашки и брюки.

По дороге они ни слова не сказали друг другу, но здесь внезапно оба заговорили:

— Уже поздно.

— Но в таком виде мы не можем никуда идти.

Они опять терли свои рубашки и брюки, но пятна выступали еще ярче.

— Пошли в кафе,— сказал Джаппи, возмущенный тем, что его любимая суббота оказалась такой неудачной.

— Пойдем лучше домой,— тихо проговорил Дэниэл.

В молчании они завернули за угол и направились к конечной остановке. Джаппи представил себе, как трудно будет отвлечь внимание матери от окровавленной рубашки. «Господи,— думал он,— рубашку без упреков нельзя постирать. Пропал день, совсем пропал».

Трамвай Джаппи пришел первым. Уезжая, он сказал Дэниэлу:

— Еще раз увижу эту грязную черную девку — без всяких разговоров морду набью.

Перевела Р. Давыдова